

Валерий Иванович Журавлев родился в 1948 году в р.п. Кантемировка Воронежской области. Окончил Воронежский политехнический институт. Работал инженером-конструктором ПО «Электросигнал», журналистом областных газет «Молодой коммунар», «Коммуна», собственным корреспондентом еженедельника «Экономика и жизнь», «Парламентской газеты», журнала «Земляки» и газеты «Ваше право. Миграция» Федеральной миграционной службы РФ. Заслуженный работник культуры РФ. Награжден знаками «Отличник печати», «Золотое перо». Автор книг «Линия жизни», «Портрет на фоне времени и газетных строк», «Я — сын твой, Дон-батюшка». Живет в Волгограде.

Валерий Журавлев

ЛЕРМОНТОВСКИЙ АНГЕЛ ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ ПОЛЕТ

О Сталинградской битве, которая стала переломной в Великой Отечественной войне и 80-летие которой мы отмечаем, написаны тысячи научных работ, газетных очерков, воспоминаний фронтовиков, мемуары военачальников, созданы художественные произведения во всех жанрах, поставлено множество фильмов и спектаклей, сложены песни и симфонии. Однако в этом огромном медиапространстве нигде не упоминается весьма любопытный для российской общественности факт: в Сталинградской битве принимал участие начальник штаба 127-го истребительного авиаполка 282-й авиадивизии майор Петр Николаевич Лермонтов, являющийся... правнучатым племянником великого русского поэта. Заметим, что подлинность личного вклада потомка гения русской словесности в дело нашей победы в величайшем сражении на берегах Волги удалось доказать только через несколько десятков лет после войны.

Этому предшествовало довольно сложное научное исследование, отправной точкой которого стали два экспоната из фонда государственного музея-панорамы «Сталинградская битва»: фотография немецкого «юнкерса-88» с надписью на обратной стороне и выдавший виды фронтальной дневник советского офицера из трех толстых тетрадей в ободранных обложках. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

«ЗАВТРА “ЮНКЕРС” БУДЕТ ЛЕТАТЬ И БОМБИТЬ ФРИЦЕВ!»

— «Мцыри», я — «Демон»! Ты что, лейтенант, мать твою так, спишь за штурвалом, как сонная тетеря! Прижимай, прижимай немца к земле, не давай ему набирать высоту! Лишай фрица обзора и возможности маневра!

— «Демон», вас понял! Выполняю приказ. Без боекомплекта этот фашистский стервятник из нашей клетки не вырвется. Командир, ты только передай на КП, что мы сажаем «юнкерса», а то ведь с перепугу зенитчики расстреляют фрица вместе с нами еще на подлете!..

Этот скоротечный диалог летчиков 127-го истребительного авиаполка 282-ой авиадивизии в сталинградском небе, перемежаемый крепкими словцами, слышали немногие. А жаль. Он был достоин трансляции по радио на всю страну. Дело в том, что приведенный выше весьма эмоциональный радиобмен предшествовал событию чрезвычайной психологической важности: в самый разгар Сталинградской битвы советские асы сумели посадить на свой полевой аэродром вражеский военно-полевой самолет, битком набитый зимним обмундированием и оружием для окруженной в заснеженных степях Придонья армии Паулюса. Я не знаю, как отметило командование Сталинградского фронта героический поступок летчиков-истребителей, зато доподлинно знаю другое. Вскоре «юнкерс» был перекрашен в цвета советской армии, на нем появились красные звезды, и он сделал большое количество боевых вылетов, бомбя передний край и опорные пункты фашистских войск.

В качестве документального доказательства подлинности описанных выше событий того времени в фондах музея-панорамы «Сталинградская битва» хранится фотоснимок плененного немецкого самолета, на обороте которого написано уверенной рукой: *«Заставили сесть на наш аэродром. Холодно. Отстрелялись стервятники. Завтра будет летать и бить фрицев. П. Лермонтов, 1942 год. Сталинградский фронт».*

И вот здесь самое время сказать киношную фразу: «Стоп-кадр!» Потому как сегодня мы с полной уверенностью можем заявить: надпись на фотографии трофейного «юнкерса-88» была сделана начальником штаба 127-го истребительного авиаполка майором Петром Николаевичем Лермонтовым, являющимся... правнучатым племянником великого русского поэта. Чтобы доказать это, а также в подробностях восстановить родословную защитника сталинградского неба из династии Лермонтовых, заместителю директора по научной части государственного музея-панорамы «Сталинградская битва», кандидату искусствоведения Светлане Аргасцевой в свое время понадобилось двенадцать месяцев напряженной исследовательской работы и... годы жизни, проведенные в свое время с бабушкой Анной Петровной Божко, работавшей в послевоенные годы экскурсоводом в домике-музее Лермонтова в Пятигорске.

— Так уж случилось, — рассказывает Светлана Анатольевна, — что непосредственно выяснением родословной начальника штаба 127-го авиаполка я стала заниматься более чем через сорок лет спустя после окончания Сталинградской битвы, когда в Волгограде часть творческой интеллигенции города высказалась за создание Лермонтовского общества.

На первый взгляд, исследование обещало быть легким и скоротечным. Ведь в фондах музея «Сталинградская битва» давно хранились дневник, фотографии и другие личные вещи Петра Лермонтова. Просто никто и никогда даже не пытался связать биографию защитника сталинградского неба с династией великого русского поэта...

Однако непосредственная работа с документальной стороной жизни известно-

го рода, представители которого внесли огромный вклад в историю и культуру нашей Родины, очень скоро поставила много вопросов перед молодым исследователем. Стало ясно, что чисто механическое объединение информации по лермонтовской тематике пятигорского и волгоградского музея не устраняет «белые пятна» на генеалогическом древе династии Лермонтовых. Потребовалась более детальная проработка отдельных эпизодов жизни родственников автора известных всему миру строф и строк. И вот здесь Аргасцевой очень помогли те крупницы знаний о жизни Лермонтова и лермонтовской династии, которые в свое время она получила, будучи школьницей, в пятигорском домике-музее Лермонтова.

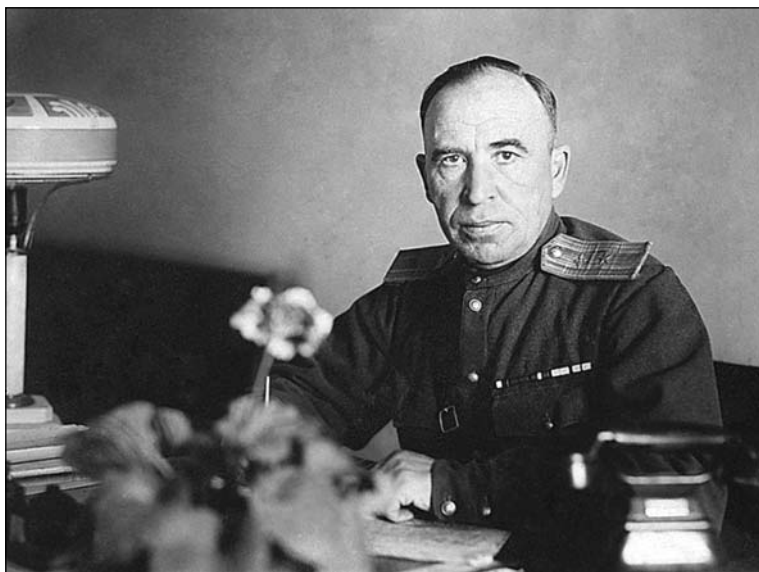
Оговорюсь особо. В данном случае речь идет не столько об общеизвестных фактах из уст сотрудников музея, сколько о рассказах известнейших на всю страну ученых-лермонтоведов, приезжавших в Пятигорск в послевоенные годы. В их числе был и Иракий Андроников, который два с половиной года собирал в тех местах материал для своей книги о великом русском поэте, щедро делясь с сотрудниками музея своими архивными и краеведческими находками о подробностях жизни опального Лермонтова. Так уж, наверное, было судьбе угодно, но в то время любознательная не по годам Светлана волею случая оказалась самым благодарным слушателем авторов солидных научных изысканий, поскольку все свои летние каникулы проводила в музее Лермонтова под присмотром бабушки. Все это много лет спустя сослужило ей хорошую службу. В общем, цепкая подростковая память, терпение и напряженный, целенаправленный труд исследователя в конце концов сделали свое дело. Со временем пробелы заполнились, и все стало на свои места...

Как известно, многие из династии Лермонтовых внесли свой вклад в защиту Отечества на полях сражений — начиная с основателя рода Георгия (Юрия) Лермонтова, служившего ротмистром в войске легендарного князя Дмитрия Пожарского и погибшего во время очередной русско-польской войны в 1634 году под Смоленском. Дед поэта — Петр Юрьевич Лермонтов — окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Ушел в отставку в чине поручика. Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866) в шестом поколении имел с поэтом единого предка Петра, служил в гвардейском экипаже, принимал участие в сражении со шведской гребной флотилией при острове Польво. Во время войны 1812 года в числе четырнадцати офицеров и четырехсот рядовых гвардейского экипажа был послан в распоряжение Первой запасной армии генерала Барклая де Толли и сражался под Смоленском и Бородино. Затем плавал на фрегате «Проворный» и был уволен в отставку в чине адмирала.

Сам Михаил Юрьевич Лермонтов в 1832 году был зачислен в Школу юнкеров в Петербурге. Служил в Нижегородском драгунском, Тенгинском пехотном, лейб-гусарском и Гродненском гусарском полках. Принимал участие в военной экспедиции во время Кавказской войны (1817–1864) в звании поручика. Отличился мужеством, подвергаясь постоянной опасности, в знаменитом сражении при реке Валерик 11 июля 1840 года. Военное начальство представило поэта Лермонтова к награждению золотой саблей с надписью «За храбрость». Однако государь-император по известным ныне литературной общественности причинам «не позволил изъявить монаршего соизволения на исправляемую ему награду».

«ПРОШУ ОКАЗАТЬ МНЕ ВЕЛИКУЮ ЧЕСТЬ, ДОВЕРИВ УМЕРЕТЬ ЗА РОДИНУ!»

И хотя у великого поэта не было прямых потомков, позднейшие носители фамилии состоят в родстве с ним и представляют единую династию Лермонтовых. Так, сын Михаила Николаевича — Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906) — в годы русско-турецкой войны участвовал в освобождении болгарских

Петр Лермонтов. Фото с сайта музея «Сталинградская битва»

городов от османского ига. За освобождение Бургаса был удостоен звания генерал-майора. Ныне в этом городе стоит монумент в его честь. Отличились с оружием в руках представители лермонтовского рода и в Первую мировую войну, и в годы Великой Отечественной. Среди них — Михаил Владимирович Лермонтов (1898–1942), Владимир Владимирович Лермонтов (1899–1974). В этом ряду для нас особый интерес представляет судьба защитника сталинградского неба, майора Военно-воздушных сил Красной Армии, а затем и подполковника Петра Николаевича Лермонтова, правнучатого племянника великого поэта.

Как выяснила заместитель директора по научной части государственного музея-панорамы «Сталинградская битва» Светлана Аргасцева, Петр Лермонтов родился в Костромской губернии в 1896 году, учился в первом Московском кадетском корпусе. В 1914 году добровольцем ушел на фронт Первой мировой. После Октябрьской революции вступил в Красную Армию, служил в кавалерии, затем, окончив московскую школу летчиков, продолжил свою военную карьеру уже в «небесной кавалерии». В числе первых военлетов РККА Петр был награжден орденом Красного Знамени за № 181 и именными часами ВЦИК. Когда началась война, не ожидая повестки, сорокапятилетний москвич 22 июня 1941 года пришел во Фрунзенский райвоенкомат столицы с настоятельной просьбой «оказать ему великую честь, доверив умереть за Родину». Так Петр Николаевич Лермонтов уже летом 1941-го оказался в Военно-воздушных силах действующей армии. Вот тогда-то офицер и начал вести свой дневник, ставший со временем бесценным документом эпохи «роковых, сороковых». Да и как иначе можно воспринимать в первой четверти XXI века такие вот полустертые карандашные строчки более чем 80-летней давности, щемящие душу русского человека своей искренностью и трогательной сыновьей любовью к родному Отечеству:

«1941. Воронеж. Снова лечу на фронт, туда, куда влекут сердце и разум, где должен находиться патриот, любящий беспредельно свою прекрасную мать — Родину, там поле чести и славы, там среди грохота орудий и огня рождаются героические дела защитников отечества!».

Много позже и сам родственник великого поэта осознает историческую ценность своих фронтовых карандашных записей и, желая их сохранить для потомков в случае своей гибели, напишет на обложке первой тетради дневника запись-обращение: *«Если кто-либо найдет мой дневник или случайно он попадет вам в руки (в случае моей смерти или ранения, или просто утери), прошу убедительно, и я уверен в вашей порядочности, переслать дневник по адресу: Пятигорск, Лермонтовская улица, домик Лермонтова, директору музея. Февраль 1942 года».*

4 ноября 1942 года, за две недели до начала стратегической операции советских войск «Уран» под Сталинградом, разработанной Генеральным штабом Красной Армии, истребительный 127-й истребительный авиаполк Петра Лермонтова в составе 282-й истребительной авиационной дивизии, которой командовал подполковник А. М. Рязанов, перебрасывают под Сталинград. Подготовка к контрнаступлению ведется в режиме строжайшей секретности и касается это не только авторов писем домой, но и всех, кто ведет хоть какие-то записи в расположении своей части. Ведь впервые в военной мировой истории силы наступающих войск не в 3 раза, как обычно, а лишь немного превосходят силы обороняющихся, и в этой ситуации любая утечка информации грозит большой бедой для РККА. Видимо, именно по этой причине в дневнике потомка великого поэта нет ни слова вплоть до 19 ноября 1942 года, когда утреннюю тишину междуречья Волги и Дона разом взорвали тысячи артиллерийских и минометных стволов, и на врага обрушился шквал реактивных снарядов наших «катюш». В тот памятный день войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, взломав оборону противника при поддержке артиллерии и танков, двинулись навстречу друг другу, постепенно замыкая в кольцо лучшую армию вермахта, с которой, по выражению Гитлера, «можно было покорить даже небо».

В наши дни, опираясь на архивные документы, мы можем утверждать, что летчики-истребители подполковника Рязанова действовали весьма успешно на сталинградском направлении. Это особо проявилось вскоре после того, как армия Паулюса попала в «сталинградский котел» и летчики Люфтваффе по приказу Гитлера попытались было организовать надежный воздушный мост для бесперебойного снабжения окруженной группировки бензином, боеприпасами, оружием, зимним обмундированием и медикаментами. Для этого было нужно ежедневно доставлять окруженной фашистской армии 500 тонн различных грузов, а следовательно, для их переброски требовались полеты сотен «юнкеров». Обеспечить всех их должным авиационным прикрытием Геринг не мог, и потому очень скоро воздушный мост, по сути дела, прекратил свое существование. По крайней мере, в светлое время суток, когда количество сбитых «юнкеров» советскими истребителями и зенитными батареями стало исчисляться сотнями в день и вся степь по маршруту Полтава-Сталинград оказалась усеяна тысячами остовов сгоревших фашистских стервятников.

Вот когда отвели душу «сталинские соколы» 282-й авиационной истребительной дивизии за безнаказанный разбой асов Геринга в небе и на земле летом 1941 года и за поистине варварскую бомбежку Сталинграда 23 августа 1942 года. В тот недоброй памяти день сотни самолетов 4-го воздушного флота Люфтваффе накрыли своей зловещей тенью незащитный с воздуха город и стали методично сравнивать его с землей тяжелыми фугасными и зажигательными бомбами. Когда заканчивался боезапас у фашистских стервятников, они возобновляли его на полевых аэродромах и снова и снова бомбили жилые дома. У немецких летчиков на этот счет был предельно жесткий приказ командования: массированным воздушным налетом сломить боевой дух сталинградцев, показать, что город обречен и скоро падет под натиском лучшей армии вермахта.

Тогда немецкие бомбардировщики несколькими заходами сделали более 2000 самолето-вылетов, превратив цветущий город в огромное скопище развалин и полуразрушенных зданий. В результате того августовского воздушного налета, как свидетельствуют новейшие исторические исследования, за день в городе погибли не менее 71 тысячи мирных жителей и около 142 тысяч получили тяжелые ранения, травмы, увечья и контузии. Впрочем, приведенные выше цифры многие историки считают весьма приблизительными. Поскольку в тех условиях считать, сколько сталинградцев погибло в разрушенных домах и разбомбленных бомбоубежищах, не было никакой возможности, ибо немецкие танки, прорвав линию фронта, вышли на северную окраину Сталинграда — и судьба города повисла на волоске.

Но вернемся к «виновникам» срыва планов Верховного немецкого командования снабжать по воздуху всем необходимым окруженную 6-ю армию Паулюса. Немалый вклад в выполнение такого задания огромной и военной, и политической важности принадлежал в том числе и летчикам 127-го истребительного авиаполка, начальником штаба которого был майор Петр Николаевич Лермонтов. Надо сказать, что в его походной сумке всегда лежал старинный томик со стихами М.Ю. Лермонтова, которые он с удовольствием читал своим друзьям-сослуживцам в перерывах между боевыми вылетами. Самым любимым было «Бородино», которое вскоре знали наизусть все летчики части.

Скажу больше. Будучи очень интеллигентным и образованным человеком, Петр Лермонтов вскоре организывает в авиаполке своеобразный кружок литературного творчества. В нем летчики не только читают друг другу отрывки из поэм гениального предка начштаба, но и выносят на суд товарищей собственные «пробы пера». И пусть эти стихотворения были не очень совершенны в литературном плане, а иногда и просто по-детски наивны, но зато в каждом из них ясно прослеживалась великая вера самобытных авторов «музыки слов» в нашу победу, в силу духа русского народа.

«ЗВУК ОБОРВАННОЙ СТРУНЫ»

Впрочем, иначе просто не могло и быть. Ведь «на стратегическом пространстве чистого листа» сражались с непослушной строфой не просто офицеры воюющей армии, а люди могучей силы воли, верные присяге и воинскому долгу, для которых слова из песни о тревожной молодости «Была бы страна родная, и нету других забот» не были просто громкой фразой, а являлись поистине святым смыслом их фронтовой жизни, если угодно, их существования на земле своих предков.

Между тем, «черные метки» войны: «погиб при выполнении боевого задания», «ранен», «пропал без вести» — вносят безжалостные коррективы в деятельность литературного кружка. Отражая их, ведет свой фронтовой дневник в трех толстых тетрадах майор Лермонтов. Просты и бесхитростны полустертые карандашные записи, сделанные рукой потомка великого поэта, но как много щемяще-трогательного «момента истины» несут они ныне живущим соотечественникам. Поистине, здесь ничего нельзя ни прибавить, ни убавить. Это как раз тот случай, когда торопливой вязью строчек защитника сталинградского неба с нами сегодня говорит сама история без прикрас и цензурных вычерков:

«Сегодня К. Терентьев улетел на боевое задание. Задание выполнили, но его ведущий прилетел без хвоста: отбит прямым попаданием. Чудом дошел до своего аэродрома!..»

Увы, далеко не всегда столь благоприятным исходом заканчивались воздушные бои советских летчиков 127-го истребительного авиаполка с асами Геринга. Об этом свидетельствует еще одна очень короткая запись в дневнике, как-то про-

комментировать которую у Петра Николаевича, вероятнее всего, просто не хватило душевных сил:

«Сегодня мы потеряли славного командира эскадрильи капитана Чертова...»

А вот еще одна страничка дневника, посвященная не какому-то внешнему событию, а собственным ощущениям фронтовых будней советского офицера, склонного к обобщениям личностного характера:

«У меня заложило грудь. Душил кашель. И сердце сильно болело. Виновато то, что не было писем. С каким жарким нетерпением ждешь всегда знакомый рокот мотора воздушного почтара У-2, прозванного многими обидными кличками: “Огородник”, “Примус”, “Трещотка”. Но между прочим именно эти беззащитные “трещотки” и “примусы” умудряются сбивать реактивными снарядами быстроходные Ю-88 и “мессеры”. Это они спасают тяжелораненых бойцов, приземляясь с одинаковой легкостью на сельскую улицу или чей-нибудь огород. Честь вам и хвала, незаметные труженики войны!..»

И вот приходит и на нашу улицу праздник, о чем красноречиво свидетельствует запись в дневнике Петра Лермонтова, предельно эмоционально и радостно рисующая долгожданный военный успех советских войск в ожесточеннейшем противостоянии более чем миллионных группировок с каждой стороны на берегах Волги под Сталинградом. *«Ноябрь 42-го. Станица Клетская. В результате наступления наших войск передний край обороны противника разбит вдребезги. Сотни пленных румын и немцев. Они тащатся, обмороженные, к нам в тыл. Мы продвинулись на глубину в 45 километров. Какое это ни с чем не сравнимое счастье — освободить родную землю! Ни секунды промедления, только вперед, вперед и вперед!»*

Примерно такое же приподнятое настроение отражают и последующие записи в дневнике, сделанные его хозяином на сталинградской земле. Думается, нет смысла их здесь цитировать. Расскажем лучше о дальнейшей судьбе руководителя литературного кружка. Выполнив боевое задание, 282-я истребительная авиадивизия, в составе которой воевал 127-й истребительный авиаполк, 1 января 1943 года была выведена из состава Сталинградского фронта, получив новый приказ. Однополчане Петра Лермонтова и он сам вместе с «фамильным» томиком стихов покинули берега Волги. Однако духовно-патриотические струны поэзии Лермонтова остались навсегда с защитниками волжской твердыни из «поэтического» авиаполка, летчики которого своими позывными брали имена лермонтовских героев — «Мцыри» и «Демон», а «Бородино» было их любимым произведением.

Впрочем, не только они, но и многие другие защитники Отечества черпали свои духовные силы и находили душевное успокоение в стихах великого поэта, чья жизнь и творчество учили любви к Родине, бесстрашию и готовности к самопожертвованию. Сужу об этом по стихотворению военного корреспондента Иосифа Уткина, опубликованном во фронтовой газете, которое вместе с личными вещами начальника штаба 127-го истребительного авиаполка Петра Лермонтова также хранится в фондах государственного музея-панорамы «Сталинградская битва». Автор этих, вне всякого сомнения, талантливых строк и строф не воевал в сталинградском небе, но, выполняя свой профессиональный долг специального корреспондента «Совинформбюро» от газет «Правда» и «Известия», он разделил судьбу многих летчиков-истребителей «поэтического» авиаполка. Его самолет, на котором спецкор возвращался с Западного фронта в Москву, разбился, не долетев до цели. И как утверждает людская молва, последней книжкой, которую держал в руках погибший поэт, был изрядно потрепанный томик стихов Лермонтова...

Над землянкой в синей бездне
И покой, и тишина.

Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге —
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет —
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

К сказанному остается добавить, что правнучатый племянник поэта Петр Лермонтов с честью прошел всю войну, воевал под Москвой и Ленинградом, участвовал в боях за Воронеж и на Курской дуге. Был награжден несколькими медалями, орденом Отечественной войны 1-й степени, вторым орденом Красной Звезды — за организацию боевых действий своего «родного» 127-го истребительного авиационного полка 282-й истребительной авиационной дивизии в сталинградском небе. А конкретно, как отмечалось в скупых строках наградного листа, за то, что «... все свои силы, знания, умения отдает на четкую работу штаба. Воспитал ряд младших командиров, которые выдвинуты на должности среднего нач. состава и отлично справляются с работой. ... При вражеских налетах на места расположения части ведет себя мужественно, показывая образец стойкости, бесстрашия, увлекает личный состав на ликвидацию последствий налетов, несмотря на опасность для жизни. За период нахождения на Юго-Западном фронте полк произвел 547 самолетов-вылетов. В проведенных воздушных боях сбито 44 самолета противника. Вся эта работа обеспечивалась хорошей работой штаба и его начальника тов. Лермонтова П.Н.».

После окончания войны Петр Николаевич еще несколько лет служил в армии, а потом был демобилизован в звании подполковника и последние годы своей жизни провел в Москве. При этом он не забывал время от времени посещать места «сталинградского Бородино», которым многие ветераны Великой Отечественной войны называли и называют Сталинградскую битву. Надо полагать, у фронтовиков были веские на то основания. Не случайно ведь и «лермонтовский ангел» фронтового спецкора Иосифа Уткина начал именно здесь свой полет в январе 1943 года. С тех пор, думается, он так и продолжает неустанно кружить над полями одного из решающих сражений не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны, огромную важность которого для судеб многих государств мира весьма прозорливо в те дни определил американский журнал «Тайм» пророческой фразой:

— Германия проигрывает Вторую Мировую войну!..

Заметим: сказаны были эти слова, когда от Победы нас отделяли еще целых два с половиной года тяжелейших испытаний духа и тела и сотни больших и малых кровопролитных сражений...

